

тический журнал. Вып. 3. Ставрополь, 2020. С. 54—55.

⁸ Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. Труды ВГУ. Т. 53. Вып. 1. Воронеж, 1960. С. 145.

⁹ Доронин А.В. Модерный нациогенез как миссия Ренессанса // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV—XVII вв. М.; Калуга, 2019. С. 24—25.

¹⁰ Макушин А.В. Магистерская диссертация А.С. Лаппо-Данилевского в оценке П.Н. Милукова // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. 1. СПб., 2003. С. 78.

¹¹ Козляков В.Н. Михаил Романов. М., 2010. С. 111.

¹² Фролов А.А. Первые писцовые описания на Руси и земельная политика великого князя Ивана III // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 357.

¹³ Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969. С. 35.

¹⁴ Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905—1977) // Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1. М., 2015. С. 381.

Евгений Крестьянников

История томского погрома 1905 г.*

Evgenii Krestiannikov

(Tyumen State University, Russia)

The history of the Tomsk pogrom of 1905

DOI: 10.31857/S086956870015477-5

Второе издание монографии Михаила Викторовича Шиловского о томском погроме 20—22 октября 1905 г. осуществлено вдвое бóльшим тиражом (1 тыс. против 500 экз.)¹ и богато иллюстрировано, что свидетельствует об интересе к теме широкого круга читателей. Это неудивительно, поскольку М.В. Шиловский — патриарх сибиреведения и признанный мастер исторического исследования — осмелился детально разобраться в явлениях, трагизм и необъяснимость которых, вероятно, препятствовали их изучению предшественниками. 66 погибших и 126 раненых в томском погроме (с. 3) стали жертвой глубоких перемен, поскольку события октября 1905 г. «отобразили радикальную реакцию “низов” городского социума против носителей модернизационных

процессов, разрушающих единообразие и замкнутость традиционного полукрестьянского общества» (с. 114). После такого кровопролития жизнь Томска уже не могла вернуться в прежнее русло. По свидетельству очевидца, тогда в городе случилось «что-то вроде Варфоломеевской ночи»², и в дальнейшем, как вспоминал другой свидетель бойни, томичи видели друг в друге «зверя, готового броситься на тебя без всякой причины»³.

Шиловский проделал большую работу по реконструкции конфликта, скрупулёзно исследовал обстановку в Томске: карьеры губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева и полицеймейстера П.В. Никольского, социальный и профессиональный состав населения города, состояние местного гарнизона и даже количество абонен-

* *Шиловский М.В.* Томский погром 20—22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Изд. 2, испр. и доп. Новосибирск: Параллель, 2019. 160 с.

тов городской телефонной станции. В первом разделе автор упорядочивает то, что современникам наверняка представлялось совершеннейшим хаосом. Подробно освещены действия властей, оппозиции и погромщиков на улицах, в отдельных кабинетах и заведениях.

13—19 октября в Томске прошли мощные антиправительственные митинги, а администрация и полиция то шли на уступки революционному движению, то пытались подавить его силой (с. 19—34). Манифест 17 октября спровоцировал «взрыв» гражданского противостояния. 20 октября случилось кровопролитное столкновение между созданной городской оппозицией милицией и «патриотическими» силами. Вершиной конфронтации стал пожар в доме железнодорожной службы. Гибель людей в огне и расправа толпы над теми, кто пытался вырваться из полыхавшего здания, произвели на современников самое жуткое впечатление (с. 34—62). В последующие дни, на фоне затухавшего политического конфликта, в городе развернулась антисемитская истерия и буйство ничем не сдерживаемого криминала. Преступники, нередко вместе с солдатами, громили и грабили имущество горожан, пока уголовная стихия не была остановлена военными патрулями (с. 62—69).

События в Томске оценивались по-разному, в зависимости от политических взглядов современников. В сентябре 1909 г. черносотенная газета «Вече» указывала, что бойня стала ответом «честных русских людей» врагам Церкви и царя⁴. В 1918 г. томская «Народная газета» дала иную интерпретацию: «Революцию задушили, и ей на смену пришла чёрная-пречёрная реакция. Исконные устои были восстановлены в своей незыблемости, пошатнувшийся было трон вновь упрочился... Громили тогда не здание

ж.-д. управления, но то, что могло спасти Россию, сделать её культурным, конституционно-правовым государством, а россиян из бесправных рабов — полноправными гражданами, которые знают цену отечеству и готовы биться за неё до последней капли крови»⁵.

В разделе «Реакция и интерпретации томского погрома» (с. 70—115) автор анализирует предпосылки томской бойни и предпринимает попытку выявить виновников конфликта. Труд Шиловского, таким образом, призван дать ответы на вопросы тех, кто не верил, что тайны побоища раскроются в обозримом будущем, и сразу после погрома писал: «Пройдёт много времени, пройдут года и десятки лет раньше, чем вся эта позорная для Томска кровавая история получит полное, беспристрастное освещение истории»⁶.

За кровопролитием последовало прекращение митингов и затишье в городской общественной жизни. Власти пытались скрыть следы собственных противоправных действий и искали зачинщиков беспорядков в антиправительственном лагере, представители которого, со своей стороны, развернули кампанию по обвинению в причастности к преступлениям Азанчевского-Азанчеева, Никольского и других защитников самодержавия. В итоге в городе было введено военное положение, оппозиционеры высылались, закрылась и местная газета «Сибирский вестник», энергичнее других разоблачавшая чиновников.

Судебный процесс над погромщиками прошёл 17—28 августа 1909 г. в Томском окружном суде и стал одним из крупнейших в истории дореволюционного сибирского судопроизводства. Несмотря на это, он до сих пор не становился предметом специального исследования, и Шиловский частично восполняет этот пробел.

Вместе с тем будущих историков должно заинтересовать, к примеру, противостояние выдающихся адвокатов эпохи: защитником подсудимых выступал член Совета Союза русского народа, скандально известный поверенный П.Ф. Булацель, а главным обвинителем был авторитетный сибирский адвокат, будущий премьер-министр антибольшевистских правительств периода Гражданской войны П.В. Вологодский.

Тем не менее, по оценке наблюдателей, на заседаниях шла всего лишь «комедия» правосудия⁷. Были оправданы 47 обвиняемых, осуждены 16, а присутствовавшей в зале суда публике представили некую «обрезанную» версию случившегося. Булацель изображал подсудимых как людей, боровшихся за свои убеждения. Адвокаты со стороны гражданских истцов «квалифицировали погром как политическую акцию, осуществлённую люмпенами, загнанными модернизационными процессами в тупик, против носителей прогрессивных устремлений и участников освободительного движения при попустительстве местной администрации» (с. 85—88).

Шиловский подчёркивает, что почва для столь масштабных волнений готовилась давно. Радикалы и левые либералы последовательно усиливали давление на органы самоуправления и общество, что привело к двоевластию и параличу учреждений, обеспечивающих порядок в городе. В то же время Манифест 17 октября нашёл отклик у горожан, потерявших заработки из-за непрекращающихся митингов и недовольных дестабилизацией привычных устоев (с. 88—90). В историографии до сих недооценивается способность консервативно настроенных обывателей к мобилизации против революционных сил. Томский погром «показал достаточно высокий уровень организации консервативных элементов,

действовавших в рамках основополагающих методов функционирования мещанского общества и принципов общинной организации» (с. 103).

Власти, как считает автор, едва ли провоцировали погром. Азанчевского-Азанчеева, которого некоторые историки называют убеждённым черносотенцем и антисемитом⁸, Шиловский характеризует как человека, уступавшего разгулу стихии. Губернатор был малоопытен и нерешителен, он пытался удержать контроль над ситуацией и нанести удар по оппозиции, в то время когда погромщики уже расправлялись с революционерами, а среди громил попадались чиновники в партикулярной одежде. Принятые накануне погрома решения городской думы «о прекращении финансирования городского полицейского управления и создании альтернативной милиции оказали негативное воздействие на рядовых полицейских и лишили их перспективы нормально жить и содержать семьи» (с. 111). Оказавшиеся без средств чины полиции были разозлены против тех, кто задолго до того занимался их дискредитацией.

Между тем в критический момент раздражённые стражи порядка превращались и в противников самодержавия. Так, околоточный надзиратель Д.М. Ипполитов на митинге в Томске 19 октября 1905 г. публично заявил о переходе на сторону революции и даже передал председателю антиправительственного собрания свою шашку и револьвер. 25 октября в разговоре с приставом одного из томских участков он подтвердил, что совершил указанные действия «по убеждению», а 28 октября Никольский приказал его арестовать⁹.

Наверняка каждый исследователь российских погромов начала XX в. задумывался о заинтересованности в них властей. Шиловский близок к позиции С.А. Степанова, который,

указывая на томские события, писал, что правящим кругам необязательно было открыто поддерживать борьбу с «крамолой». Сами погромщики не сомневались в одобрении своих действий «сверху» и ссылались на широко распространившиеся слухи о царском дозволении избивать крамольников¹⁰. Но, к сожалению, в монографии игнорируется, пожалуй, важнейший факт, свидетельствующий о сочувствии Николая II томским погромщикам: 15 октября 1909 г. девять осуждённых были помилованы императором по прошению Булацеля¹¹.

В историографии сложилось мнение о том, что в Томске антисемитизм не играл той первостепенной роли, как в черте оседлости. В сибирском городе насилие над евреями началось лишь после того, как от него уже пострадали враги монархии¹². Шиловский отнюдь не считает, что лица иудейского вероисповедания оказались в центре побоища. В числе тех городских революционных деятелей, которых погромщики требовали выдать для самосуда, лишь двое являлись евреями. Их доля среди погибших и раненых также была невелика. Историк отмечает сравнительно мирное и терпимое отношение местного населения к евреям, а преследование их в дни погрома объясняет тем, что «томские городские низы в корыстных целях использовали антисемитские установки власти» (с. 112—115).

Важной особенностью второго издания монографии М.В. Шиловского является удачно подобранный фототряд, полностью соответствующий содержанию книги и «оживляющий»

повествование. На снимках показаны главные герои кровавых событий, здания и площади, где разворачивалась трагедия. Вид сгоревшего железнодорожного управления, по словам Вологодского, — центрального места «томской истории человеческого жертвоприношения»¹³ — представляется особенно впечатляющим.

Примечания

¹ Впервые книгу выпустил Томский государственный университет в 2010 г.: *Шиловский М.В.* Томский погром 20—22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. Однако рецензий специалистов на то издание не последовало.

² Томское преступление // Восточное обозрение. 1905. 1 ноября.

³ *Рассохин Г.С.* События в Томске в октябре 1905 г. Томск, 1917. С. 15.

⁴ Вече. 1909. 6 сентября.

⁵ *Розенберг Д.* 20 октября 1905 г. // Народная газета. 1918. 2 ноября.

⁶ *Соколов А.* Томские события // Сибирский вестник. 1905. 28 октября.

⁷ *Рассохин Г.С.* Указ. соч. С. 15; *Философ Чёрный.* Суд томского погрома // Сибирская правда. 1909. 13 сентября.

⁸ См.: *Khiterer V.* The October 1905 pogroms and the Russian authorities // *Nationalities Papers*. Vol. 43. 2015. № 5. P. 798.

⁹ Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО), ф. 11, оп. 4, д. 7, л. 3—4.

¹⁰ *Степанов С.А.* Чёрная сотня. М., 2005. С. 93.

¹¹ Государственный исторический архив Омской области, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 3—4; ГА ТО, ф. 11, оп. 4, д. 7, л. 170.

¹² См.: *Surh G.D.* Russia's 1905 Era Pogroms Reexamined // *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 44. 2010. № 3. P. 270.

¹³ *В-дский П. [Вологодский П.В.]* Из хроники освободительного движения в Сибири // Сибирские вопросы. СПб., 1906. № 2. С. 254.